

«А Я ВЕДЬ КОГДА-ТО ПИСАЛ ПЕЙЗАЖИ»

О том, что село Копунь в былые времена было богатым, большим и многонаселенным, говорят не только исторические данные, но и современный облик села Копунь сегодняшняя - это улица вдоль дороги с редкими рукавами – улочками, расположившимися вдоль реки Куренга и карабкающимся вверх на сопку, протяженностью в 5 километров.

историческая

справка

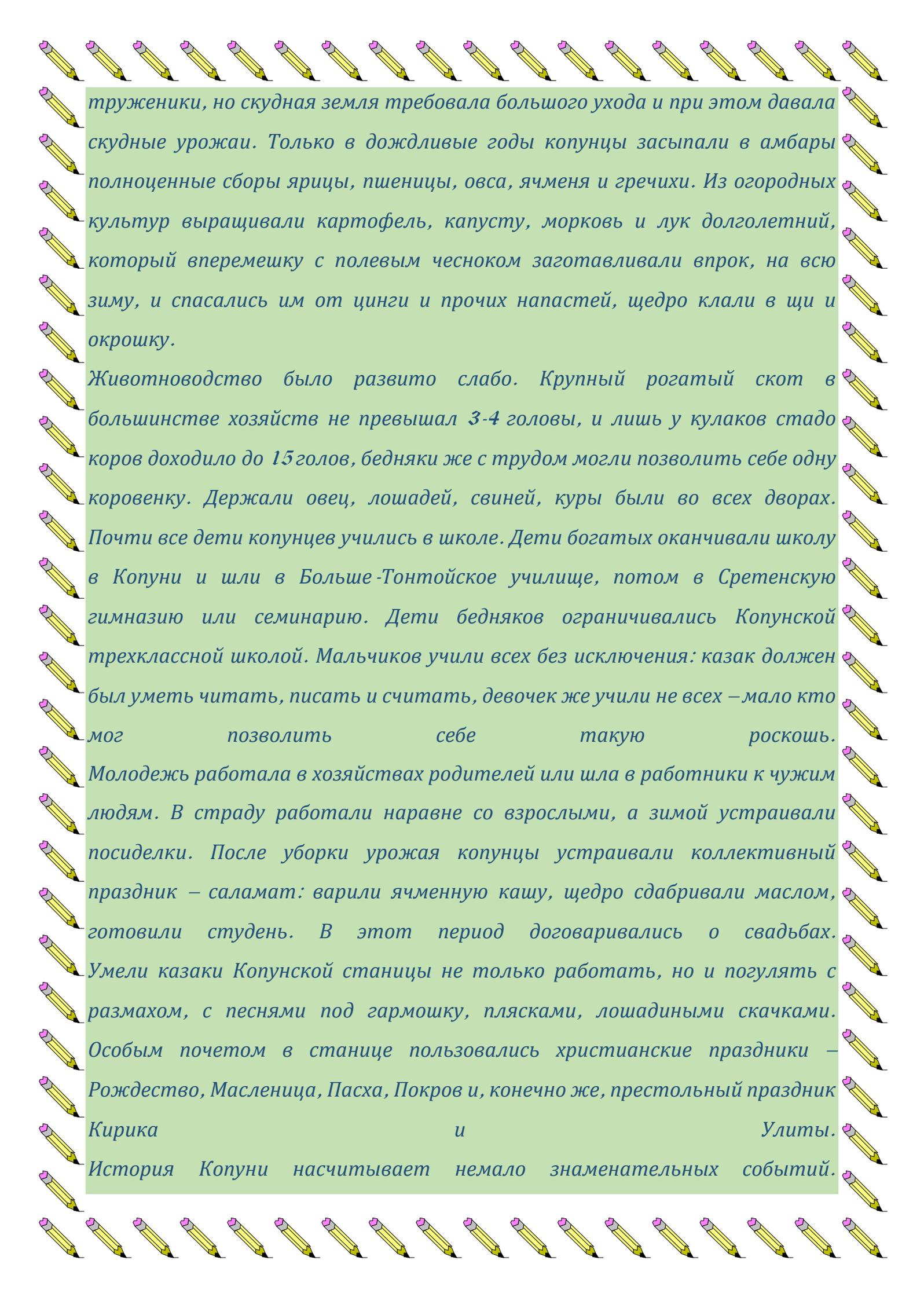
От славного прошлого к сегодняшнему дню

До революции 1917 года Копунская станица объединяла десять деревень и входила в состав Нерчинско-Заводского уезда, Забайкальской губернии.

Копунские казаки отличались от казаков России тем, что не кичились казачеством, но обладали завидной храбростью, чувством солидарности и демократичностью. На всю станицу было две церкви – в Большом Тонтое и в Шивие, в остальных – часовенки. В самой Копуни была небольшая часовня («на коврижке»), на создание которой повлияли политические ссыльные, которых часто гнали партиями по Копунско-Газимурскому тракту.

Население сочувствовало арестантам, и в летнее время, в ночь их прогона, многие клали ковриги хлеба на столбы ограды, а кто имел корову, еще и крынку молока. Так повторялось ежедневно, пока была надежда на чей-то побег.

В целом Копунь не была богатой. Из 250 дворов кулацких хозяйств было не более 20, дворов 30 – крепкие середняки, остальные - маломощные середняки и беднота. Кулаки держали батраков в течение года, от Покрова до Покрова, а те, кто победнее, нанимали рабочую силу по денно, в страду и молотьбу. Казаки Копунской станицы в большинстве своем были

труженики, но скудная земля требовала большого ухода и при этом давала скудные урожаи. Только в дождливые годы копунцы засыпали в амбары полноценные сборы ярицы, пшеницы, овса, ячменя и гречихи. Из огородных культур выращивали картофель, капусту, морковь и лук долголетний, который вперемешку с полевым чесноком заготавливали впрок, на всю зиму, и спасались им от цинги и прочих напастей, щедро клали в щи и окрошку.

Животноводство было развито слабо. Крупный рогатый скот в большинстве хозяйств не превышал 3-4 головы, и лишь у кулаков стадо коров доходило до 15 голов, бедняки же с трудом могли позволить себе одну коровенку. Держали овец, лошадей, свиней, куры были во всех дворах.

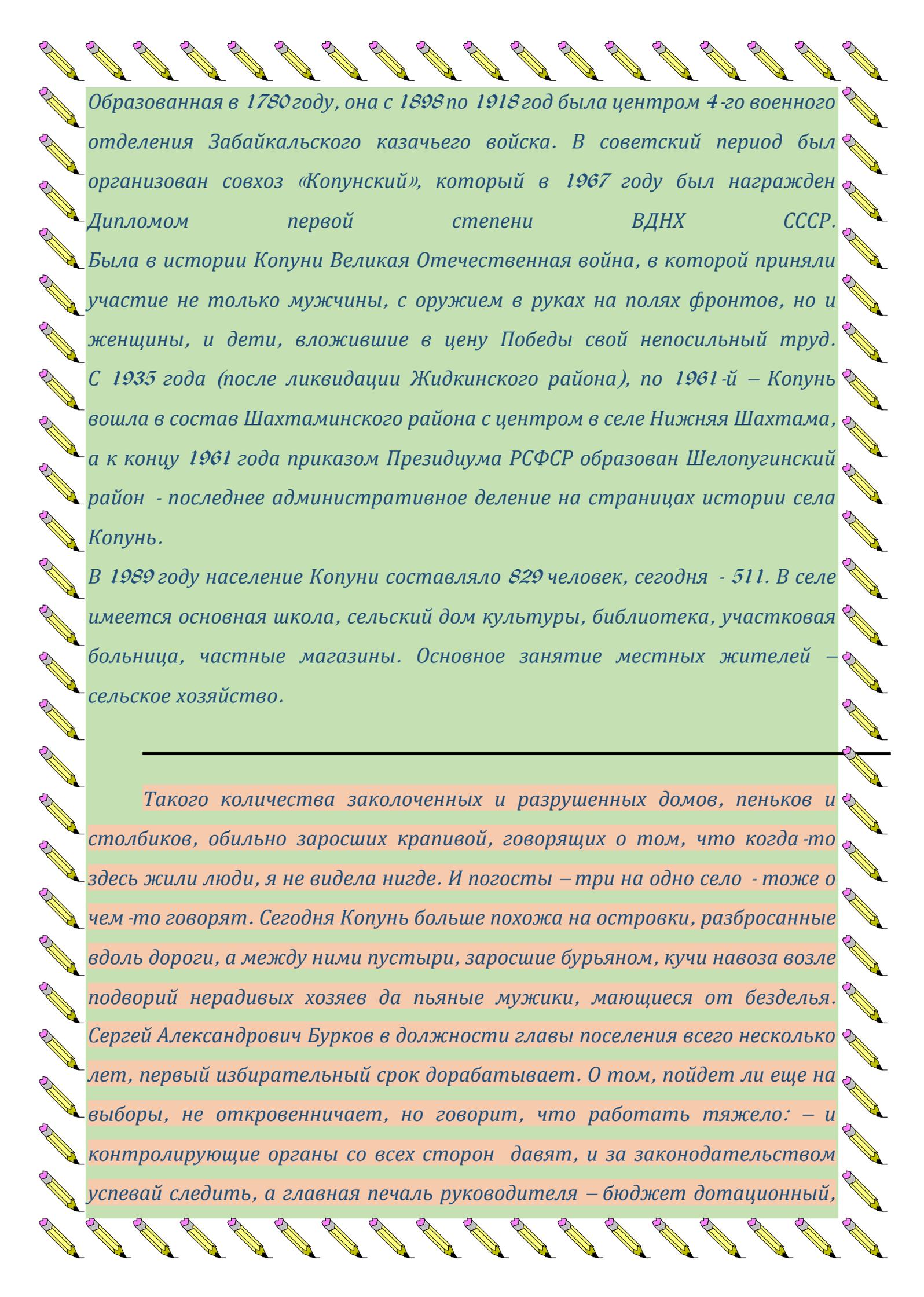
Почти все дети копунцев учились в школе. Дети богатых оканчивали школу в Копуни и шли в Больше-Тонтойское училище, потом в Сретенскую гимназию или семинарию. Дети бедняков ограничивались Копунской трехклассной школой. Мальчиков учили всех без исключения: казак должен был уметь читать, писать и считать, девочек же учили не всех – мало кто мог позволить себе такую роскошь.

Молодежь работала в хозяйствах родителей или шла в работники к чужим людям. В страду работали наравне со взрослыми, а зимой устраивали посиделки. После уборки урожая копунцы устраивали коллективный праздник – саламат: варили ячменную кашу, щедро сдабривали маслом, готовили студень. В этот период договаривались о свадьбах.

Умели казаки Копунской станицы не только работать, но и погулять с размахом, с песнями под гармошку, плясками, лошадиными скачками.

Особым почетом в станице пользовались христианские праздники – Рождество, Масленица, Пасха, Покров и, конечно же, престольный праздник Кирика и Улиты.

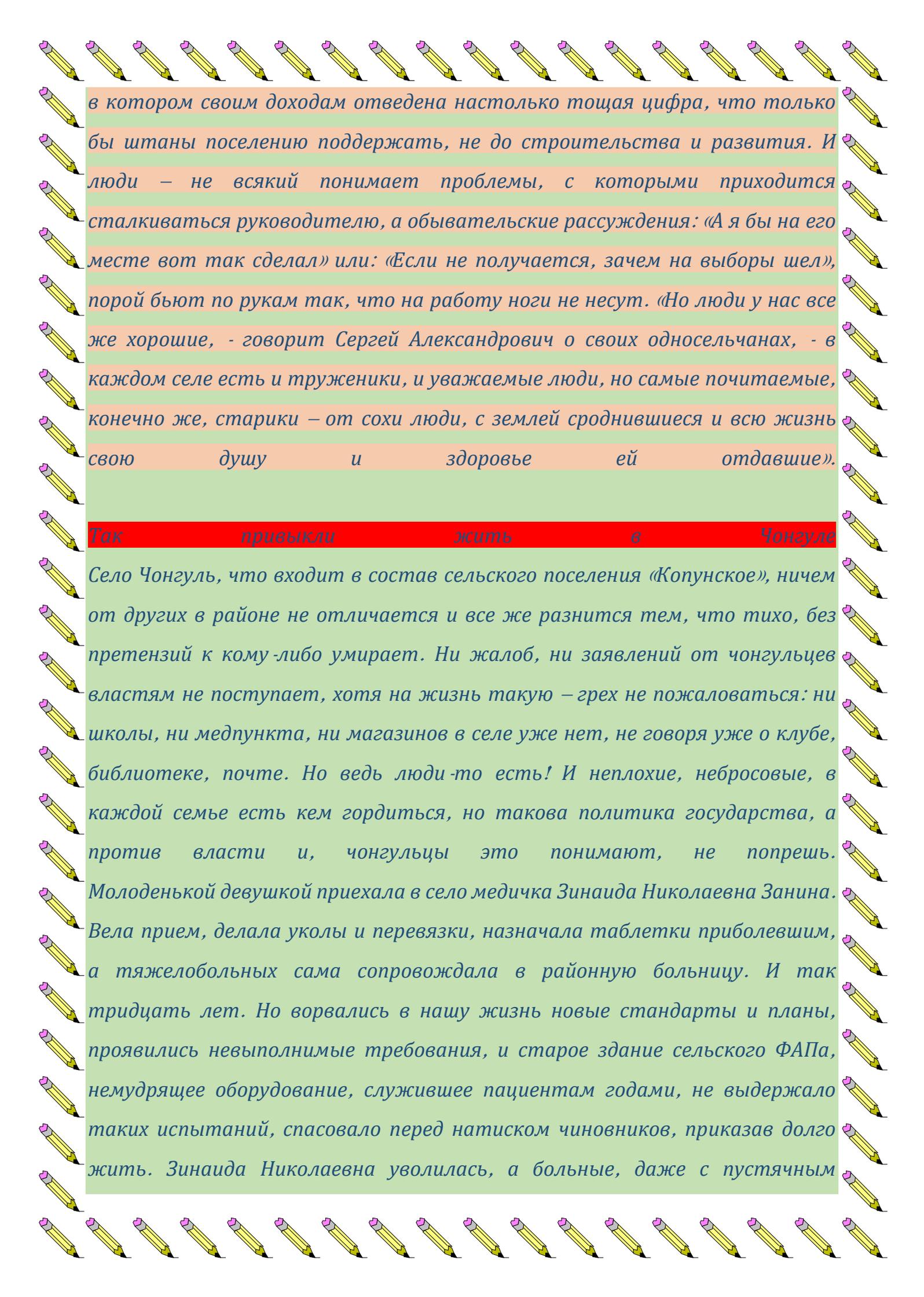
История Копуни насчитывает немало знаменательных событий.

Образованная в 1780 году, она с 1898 по 1918 год была центром 4-го военного отделения Забайкальского казачьего войска. В советский период был организован совхоз «Копунский», который в 1967 году был награжден Дипломом первой степени ВДНХ СССР. Была в истории Копуни Великая Отечественная война, в которой приняли участие не только мужчины, с оружием в руках на полях фронтов, но и женщины, и дети, вложившие в цену Победы свой непосильный труд. С 1935 года (после ликвидации Жидкинского района), по 1961-й – Копунь вошла в состав Шахтаминского района с центром в селе Нижняя Шахтама, а к концу 1961 года приказом Президиума РСФСР образован Шелопугинский район - последнее административное деление на страницах истории села Копунь.

В 1989 году население Копуни составляло 829 человек, сегодня - 511. В селе имеется основная школа, сельский дом культуры, библиотека, участковая больница, частные магазины. Основное занятие местных жителей – сельское хозяйство.

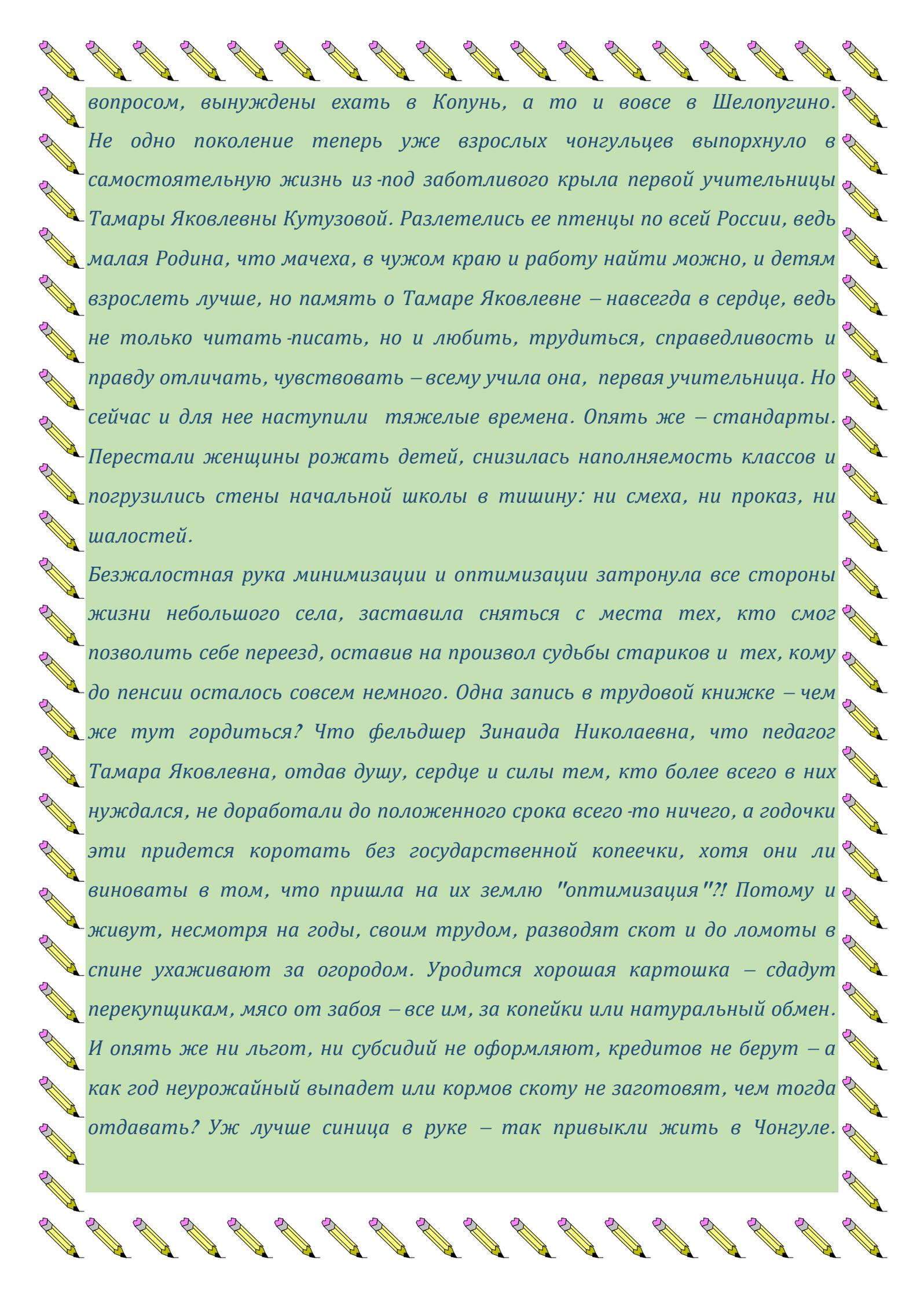
Такого количества заколоченных и разрушенных домов, пеньков и столбиков, обильно заросших крапивой, говорящих о том, что когда-то здесь жили люди, я не видела нигде. И погосты – три на одно село - тоже о чем-то говорят. Сегодня Копунь больше похожа на островки, разбросанные вдоль дороги, а между ними пустыри, заросшие бурьяном, кучи навоза возле подворий нерадивых хозяев да пьяные мужики, мающиеся от безделья. Сергей Александрович Бурков в должности главы поселения всего несколько лет, первый избирательный срок дорабатывает. О том, пойдет ли еще на выборы, не откровенничает, но говорит, что работать тяжело: – и контролирующие органы со всех сторон давят, и за законодательством успевай следить, а главная печаль руководителя – бюджет дотационный,

в котором своим доходам отведена настолько тощая цифра, что только бы штаны поселению поддержать, не до строительства и развития. И люди – не всякий понимает проблемы, с которыми приходится сталкиваться руководителю, а обывательские рассуждения: «А я бы на его месте вот так сделал» или: «Если не получается, зачем на выборы шел», порой бьют по рукам так, что на работу ноги не несут. «Но люди у нас все же хорошие, - говорит Сергей Александрович о своих односельчанах, - в каждом селе есть и труженики, и уважаемые люди, но самые почитаемые, конечно же, старики – от сохи люди, с землей сроднившиеся и всю жизнь свою душу и здоровье ей отдавшие».

Так привыкли жить в Чонгуле

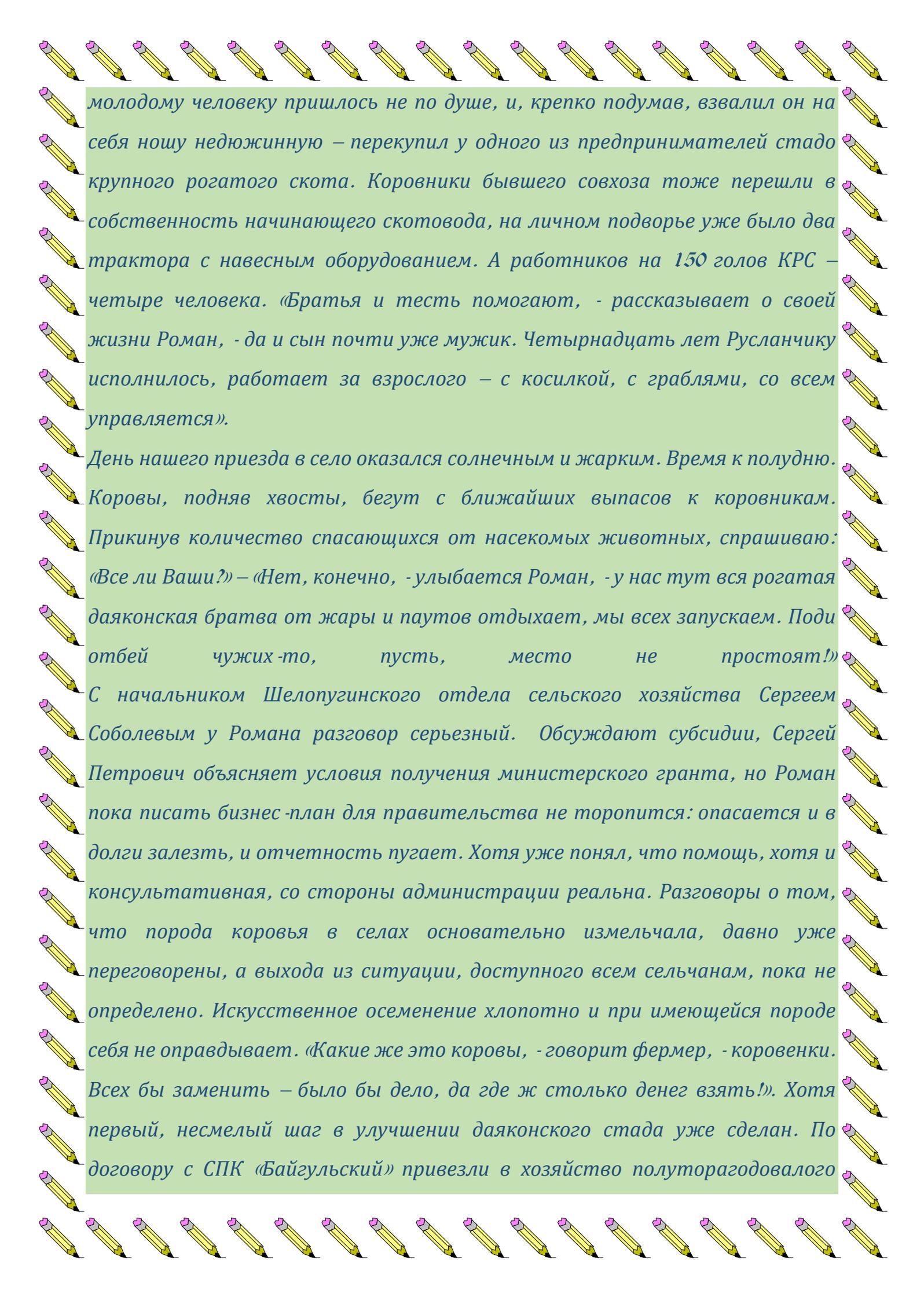
Село Чонгуль, что входит в состав сельского поселения «Копунское», ничем от других в районе не отличается и все же разнится тем, что тихо, без претензий к кому-либо умирает. Ни жалоб, ни заявлений от чонгульцев властям не поступает, хотя на жизнь такую – грех не пожаловаться: ни школы, ни медпункта, ни магазинов в селе уже нет, не говоря уже о клубе, библиотеке, почте. Но ведь люди-то есть! И неплохие, небросовые, в каждой семье есть кем гордиться, но такова политика государства, а против власти и, чонгульцы это понимают, не попрешь. Молоденькой девушкой приехала в село медичка Зинаида Николаевна Занина. Вела прием, делала уколы и перевязки, назначала таблетки приболевшим, а тяжелобольных сама сопровождала в районную больницу. И так тридцать лет. Но ворвались в нашу жизнь новые стандарты и планы, проявились невыполнимые требования, и старое здание сельского ФАПа, немудрящее оборудование, служившее пациентам годами, не выдержало таких испытаний, спасовало перед натиском чиновников, приказав долго жить. Зинаида Николаевна уволилась, а больные, даже с пустячным

вопросом, вынуждены ехать в Копунь, а то и вовсе в Шелопугино. Не одно поколение теперь уже взрослых чонгульцев выпорхнуло в самостоятельную жизнь из-под заботливого крыла первой учительницы Тамары Яковлевны Кутузовой. Разлетелись ее птенцы по всей России, ведь малая Родина, что мачеха, в чужом краю и работу найти можно, и детям взрослеть лучше, но память о Тамаре Яковлевне – навсегда в сердце, ведь не только читать-писать, но и любить, трудиться, справедливость и правду отличать, чувствовать – всему учила она, первая учительница. Но сейчас и для нее наступили тяжелые времена. Опять же – стандарты. Перестали женщины рожать детей, снизилась наполняемость классов и погрузились стены начальной школы в тишину: ни смеха, ни проказ, ни шалостей.

Безжалостная рука минимизации и оптимизации затронула все стороны жизни небольшого села, заставила сняться с места тех, кто смог позволить себе переезд, оставив на произвол судьбы стариков и тех, кому до пенсии осталось совсем немного. Одна запись в трудовой книжке – чем же тут гордиться? Что фельдшер Зинаида Николаевна, что педагог Тамара Яковлевна, отдав душу, сердце и силы тем, кто более всего в них нуждался, не доработали до положенного срока всего-то ничего, а годочки эти придется коротать без государственной копейки, хотя они ли виноваты в том, что пришла на их землю "оптимизация"?! Потому и живут, несмотря на годы, своим трудом, разводят скот и до ломоты в спине ухаживают за огородам. Уродится хорошая картошка – сдадут перекупщикам, мясо от забоя – все им, за копейки или натуральный обмен. И опять же ни льгот, ни субсидий не оформляют, кредитов не берут – а как год неурожайный выпадет или кормов скоту не заготовят, чем тогда отдавать? Уж лучше синица в руке – так привыкли жить в Чонгуле.

Существует легенда, что в долине небольшой речушки, в семи километрах юго-восточнее села Копунь, в начале восемнадцатого века располагалось стойбище шаманов. Самого старшего, главу рода, звали Даякон. Была у него жена Дая и две дочери – Шивия и Копунь. Выросли дочери и отделились от родителей, определив себе место для жизни в ближайшей округе. Со временем, когда шаманский род иссяк, остались от них лишь одни имена, которыми и окрестили вновь появившиеся поселения. В окрестностях села Даякон есть Шаманкина гора, в которой, по преданию, похоронена хозяйка шаманского рода. И несмотря на то, что никто уже в колдовство и шаманские обряды не верит, местное население хранит эту легенду как объясняющую название сел, рек и окружающих сопок и как красивую сказку о таинственных и темных временах. Это уже потом, много позже, стали приезжать в Даякон переселенцы из Польши по фамилии Вински, Крушевски, Козыревски, которые быстро, на русский манер, стали Крушевскими и Козыревскими. Сегодня село Даякон значительно отличается от всех сел района. Здесь чувствуется жизнь, которая в период деревенской страды бьет ключом – на огородах, на сенокосах, пастбищах и в самом селе. Несмотря на то, что работы здесь нет никакой, люди заняты делом. За последние годы село преобразилось. Как мода на брюки клеш или на высокие каблуки, захлестнула даяконцев мода строительная. И главным подспорьем сельским строителям, решившим справить себе новый дом, стала федеральная программа «Социальное развитие села до 2013 года». Помощь государства существенна, и непосильный финансовый груз за год-другой превращается в уютный, нарядный новый дом. До пяти новоселий в год справляют даяконцы, и стройка в селе не заканчивается. Мало кто может позволить себе строительство из нового бруса, селяне

молодому человеку пришлось не по душе, и, крепко подумав, взвалил он на себя ношу недюжинную – перекупил у одного из предпринимателей стадо крупного рогатого скота. Коровники бывшего совхоза тоже перешли в собственность начинающего скотовода, на личном подворье уже было два трактора с навесным оборудованием. А работников на 150 голов КРС – четыре человека. «Братья и тесть помогают, - рассказывает о своей жизни Роман, - да и сын почти уже мужик. Четырнадцать лет Русланчику исполнилось, работает за взрослого – с косилкой, с граблями, со всем управляется»).

День нашего приезда в село оказался солнечным и жарким. Время к полудню. Коровы, подняв хвосты, бегут с ближайших выпасов к коровникам. Прикинув количество спасающихся от насекомых животных, спрашиваю: «Все ли Ваши?» – «Нет, конечно, - улыбается Роман, - у нас тут вся рогатая даяконская братва от жары и паутов отдыхает, мы всех запускаем. Поди отбей чужих-то, пусть, место не простоят!»

С начальником Шелопугинского отдела сельского хозяйства Сергеем Соболевым у Романа разговор серьезный. Обсуждают субсидии, Сергей Петрович объясняет условия получения министерского гранта, но Роман пока писать бизнес-план для правительства не торопится: опасается и в долги залезть, и отчетность пугает. Хотя уже понял, что помощь, хотя и консультативная, со стороны администрации реальна. Разговоры о том, что порода коровья в селах основательно измельчала, давно уже переговорены, а выхода из ситуации, доступного всем сельчанам, пока не определено. Искусственное осеменение хлопотно и при имеющейся породе себя не оправдывает. «Какие же это коровы, - говорит фермер, - коровенки. Всех бы заменить – было бы дело, да где ж столько денег взять!». Хотя первый, несмелый шаг в улучшении даяконского стада уже сделан. По договору с СПК «Байгульский» привезли в хозяйство полуторогодовалого

быка-производителя. На него пока возлагают надежды по освежению крови, но для имеющегося поголовья хотя бы двух надо. А мечта у Романа все же о канадце – настоящем, матером быке. Но это пока мечты. Взбесившись от жары и от пьющих кровь насекомых, мимо нас, высоко подбрасывая вверх ноги, пробежали телята. Упитанные, бока блестят. «А как же, - говорит хозяин, - на подсосе ведь, от того и справные». Молочные реки в селах сейчас не льются, молока можно и не купить, если не ко времени приехал. Рынка сбыта нет, оттого и не доят буренок хозяйки, подпускают телят, а от такого корма и нагул хороший. Зимой принимали молоко по 15 рублей за литр, люди сдавали, теперь же цена упала до 9 рублей. Ежедневно, по кругу Даякон-Дая-Селекционная, проезжают сборщики от предприятия «Нерчинское молоко», собирают у тех, кто сдает. Расчет натуральный – продуктами питания, бытовой техникой. Хотя все понимают: обмен далеко не равнозначный, пиратский даже, ведь цены на обмениваемые товары предприниматели не сбавляют, но все же люди идут на такую торговлю, ведь жить-то надо: этим и пользуются перекупщики.

Место, где расположены коровники Романа Деревцова, расположены на возвышенности, все окрестности села и ближайшие сенокосы как на ладони. Роман сосредоточенно грызет травинку и радуется дождливому и жаркому лету. «Хорошо нынче трава поднялась, даст погода – заготовим корма вволю, зимовка спокойнее пройдет», и тут же добавляет: «Красиво как нынче, ярко, а ведь когда-то я пейзажи писал! Только как давно это было!»

С.А. Бурков. Интервью газете «Земля». Выпуск № 30 от 25.07.2012 г.